

«Вестнике Европы», 1914, № 4, с. 143—144; ср.: G. Z i e g e n g e i s t. Herzen und Kolatschek («Zeitschrift für Slawistik», 1957, Bd. II, H. 3, S. 374).

³ Русский консул в Ницце Александр Иванович *Григ*. См. об этом эпизоде в «Былом и думах» (X, 156—159).

⁴ О М. Гартмане см. в предыдущей публикации.

⁵ Герцен иронизирует над графиней Мари Катрин д'Агу, французской писательницей, гражданской женой Ф. Листа и матерью его детей (в это время ей было 45 лет). Ее псевдоним *Даниель Стерн* вызывает у Герцена ассоциации с пророком Даниилом из Библии, брошенным в ров на растерзание львам; der Stern по-немецки — «звезда»; Лоренц Стерн (Stern) — классик английской литературы, автор «Сентиментального путешествия».

⁶ Немецкий перевод сочинения Герцена «О развитии революционных идей в России» начал печататься в журнале Колачека «Deutsche Monatsschrift...» с января 1851 г. К первой главе его было сделано примечание: «Эта и следующие статьи на ту же тему должны были появиться к 25-летию юбилею царствования Николая I; случайные обстоятельства задержали их появление» (см. *ЛЖГ* II, 10).

⁷ Герцен намекает на идейную эволюцию Арнольда *Руге* (1802—1880), одного из вожakov немецкой буржуазно-радикальной эмиграции. В 1850 г. Руге вошел от Германии в Центральный европейский демократический комитет (см. X, 152—154). Им написано было воззвание к «народам Европы», говорившее, по словам Герцена, «во имя бога и божественного провидения» (XXIV, 142). Подобные заявления автора известных атеистических статей в органе младотетельянцев «Hallische Jahrbücher» не могли не возмущать Герцена. Об отношении Герцена к Руге см. в «Былом и думах» (XI, 151—152). *Галле* — город вблизи Лейпцига.

ПЕРЕПИСКА С Г. КИНКЕЛЕМ

Публикация В. Н. Поспеловой*

Готфрид *Кинкель* (1815—1882) — немецкий профессор, историк искусств, поэт и публицист, участник революции 1848—1849 гг. в Германии. В начале 1850-х годов, когда Герцен познакомился с ним в Лондоне, Кинкель претендовал на лидирующую роль среди немецких мелкобуржуазных демократов, эмигрировавших за границу после поражения революции.

К. Маркс и Ф. Энгельс в своих письмах и в памфлете «Великие мужи эмиграции» (при жизни их не опубликованном) критиковали Кинкеля за его псевдореволюционные и авантюристические затеи.

В первые месяцы своего пребывания в Лондоне Герцен часто виделся с Кинкелем. Посещал он и его лекции в Лондонском университете. В Кинкеле он ценил весьма эрудированного человека, но от него не укрылись доктринерские замашки его нового знакомого, так же как его самовлюбленность и претенциозность. По мнению Герцена, Кинкель был не особенно умен (он как-то назвал его «ослом с головой Юпитера» — XXVI, 250). В «Былом и думах» дан психологически верный и убедительный, несмотря на некоторую гротесковость, портрет Кинкеля. Упоминания о нем мы находим и в ряде писем Герцена к Мальвиге Мейзенбург (близкому другу Кинкеля и его жены Иоганны). В своих «Воспоминаниях идеалистки» она уделила Кинкелю немало места.

Серьезные политические разногласия между Герценом и Кинкелем начали выявляться еще в 1850-х годах, в связи с польским вопросом, а к концу 1860-х годов между ними установилось уже полное отчуждение. К этому времени Кинкель превратился в откровенного сторонника политики Бисмарка; он полностью принял сторону польских националистов, выступавших против Герцена и Огарева с клеветническими нападками.

Вопрос об отношениях издателей «Kolokol» с польской эмиграцией обсуждался при встрече Герцена с Кинкелем в июле 1868 г. Герцен вновь убедился тогда, что профессор-доктринер не понял существа их разногласий. 31 июля он направил Кинкелю две свои статьи, ранее опубликованные в «Kolokol» и доказывавшие, что главной целью деятельности издателей газеты было освобождение русского народа и в то же время поддержка борьбы поляков за независимость.

Об отношениях Герцена и Кинкеля см. во вступительной заметке И. Белявской к письму Герцена от 31 июля 1868 г., адресованному Кинкелю («Лит. наследство», т. 61, с. 281—283). Это было единственное из его известных тогда писем, если не считать фрагмента письма от 27 августа 1868 г., адресатом которого был ошибочно назван К. Э. Хоецкий. (Письмо это, впервые опубликованное И. Белявской в «Лит. наследство», т. 61, с. 280 по автографу «пражской коллекции», с небольшими вариантами и неверной годовой датой: 1867 и в таком виде введенное в Собрание

* В подготовке немецких текстов участвовал С. В. Пчелин.

ние сочинений Герцена (XXIX, 185—186), на самом деле, как теперь установлено Л. Р. Ланским, являлось частью чернового письма к Кинкелю, печатаемого ниже по другому источнику — п. 5).

Публикуемая нами подборка обогащает герценоведение серией новых документов: двумя письмами Герцена к Кинкелю и тремя — Кинкеля к Герцену.

Письма Герцена (2 и 5) печатаются по тексту, впервые опубликованному Э. Зильбернером на языке оригинала в «International Review of Social History», v. XVI, part I, 1971, p. 63—64. Автографы их хранятся в библиотеке Боннского университета, ФРГ (Handschriftensammlung, Kinkel-Nachlass, S. 2661); письма Кинкеля (1, 3) публикуются впервые по автографам ГИМ (ф. 342, ед. хр. 209, л. 5—6 об.), а п. 4 — по фотокопии ГБЛ с автографа В.Н.

1

Г. Кинкель — Герцену

<London.> 1, Henstridge Villas, Ordnance Road,
9 Oct<ober> 1852

H<err>n Herzen

Verehrter Freund!

Ich habe, seit wir zuletzt uns sahen ¹, durch fortwährendes sehr ernstliches Unwohlsein meines Schwiegervaters recht schwere Tage gehabt und mit meiner Frau sehr gelitten. Dies ist der Grund, warum ich solange Sie nicht besuchte; alles von Geschäftsleben hat diese Zeit gestartet. Die letzten Tage gingen mit dem Entschlusse der Rückreise unseres Kranken u<nd> den Vorbereitungen dafür hin, u<nd> erst heute kann ich Ihnen bestimmt sagen, daß ich Montag Abend einige Stunden herauszuschlagen kann u<nd> diese sehr gerne, von 8 Uhr, bei Ihnen verbringen will ². Das Haxthausenschen Buch ³ habe ich, ohne ein Wort zu überzuschlagen, gelesen oder vielmehr studiert. In seinen Atomen bringe ich es Ihnen Montag Abend aus, nachdem ich es heute früh geendigt hatte.

Auch dieser Brief ist rasch u<nd> flüchtig, mein Kopf ist wirr, und ich kann durch die aufgestauten Geschäfte nicht hindurch. Gruß an Haug ⁴, auf Wiedersehen übermorgen.

Mit Hochachtung grüßt K i n k e l

П е р е в о д:

9 окт<ября> 1852 г.

<Лондон.> Henstridge Villas, Ordnance Road

Г-ну Герцену

Уважаемый друг!

С тех пор как мы с вами в последний раз виделись ¹, я пережил вследствие продолжительной и серьезной болезни моего тестя поистине тяжелые дни, и нам с женой пришлось сильно поволноваться. Вот по какой причине я столь давно вас не посещал; только сейчас имею возможность приняться за дела. Последние дни в связи с решением о возвращении домой нашего больного были заняты приготовлением к этому, и лишь сегодня я могу определенно сказать вам, что в понедельник вечером сумею выкроить несколько часов, начиная с 8-ми, и их я с удовольствием проведу с вами ². Книгу Гакстгаузена ³ я прочитал или, вернее, протрудировал во всех мельчайших подробностях, не пропуская ни слова. Я вас ознакомлю с ней во всех деталях в понедельник вечером, поскольку закончил ее лишь сегодня рано утром.

Это письмо также написано на скорую руку; голова моя идет кругом, и я никак не могу выбраться из-под груды накопившихся дел. Привет Гаугу ⁴, до встречи послезавтра.

С глубоким уважением К и н к е л ь

¹ В записных книжках Кинкеля, хранящихся в библиотеке Боннского университета, есть несколько записей с упоминаниями о Герцене, в том числе от 27 сентября: «Вечер с Герценом у меня». Очевидно, об этой встрече и говорится в публикуемом письме.

Приводим остальные записи о Герцене из этой записной книжки:

1852 г., 18 сентября: «У Герцена и Гауга, вместе с Виллихом»; 22 сентября: «Герцен, Гауг, Мальвида <Мейзенбург>; фр<ей>л<ен> Герман у нас; 25 сентября: «Долгая беседа

с Герценом»; 29 ноября: «После обеда с Виллихом непродолжительный визит к Герцену и Гаугу».

1863 г., 24 февраля: «К Герцену, о польских делах»; 8 марта: «В 6 часов пополу<дни> к Герцену».

1864 г., 21 октября: «Герцены посещают нас. Огарев, Бакунин <...> Тата, Ольга Герцен. Приготовили глинтвейн».

1865 г., 9 марта: «Герцен пришел к нам к обеду» (ср. XXVIII, 39).

1869 г., 23 июля: «П<исьмо> к Герцену: экземпляр для отправки готов» («International Review of Social History», v. XVI, part I, 1971, p. 60—61, 63).

² Понедельник приходился на 11 октября.

³ Барон Август Гакстгаузен (1792—1866) — автор известных трудов об аграрных отношениях в Пруссии и России, в частности трехтомного труда «Studien über die inneren Zustände des Volksleben und ins besondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands» (1847—1852). Третий том книги Герцен с интересом читал в сентябре 1852 г. (XXIV, 341). С первыми двумя томами он ознакомился гораздо раньше, в конце 1840-х годов, и писал о них в «La Russie» и других статьях. Ср. XII, 51—55.

⁴ Об Э. Гауге см. выше, в публикации «Переписка Герцена с К. Фогтом».

2

Герцен — Г. Кинкелю

19 Novem<ber 1855>. Richmond
Cholmondeley Lodge

Mon cher Kinkel,

Soll ich Ihnen deutsch schreiben, dann müssen Sie nur aus Freundschaft für ein Viertelstunde die Deutsche Grammatik vergessen.

Sie können mir einen sehr großen freundschaftlichen Dienst leisten. Heute habe ich einen Brief erhalten v<on> Froebel eine Antwort auf meinen Brief, d<en> ich glaube gesandt zu haben im Mai Monat. Es scheint, daß er vor d Frühling nicht kommen wird. Ich gebe die Sache auf ¹.

Ich suche ei<nen> ganz tüchtigen — first rate — Professor der Chemie und der Physik (und ich muß noch hinzufügen, daß ich keinen Glauben habe an Physiker, die nicht die Mathematik studiert haben). Von einem Chemiker hat man mir gesprochen, ich kenne seinen Namen nicht — ich möchte aber von Ihnen wissen wen Sie rekomandieren, oder was für ein <en> Rat Sie mir geben werden.

Alexander kann zu dem Profes<or> gehen, wenn es nötig ist, kann auch in ein College gehen — aber da hat er den Anfang des Semesters verlohren.

Sagen Sie mir auch ein Wort über die Preise der Privatstunden.

Am besten wäre es wenn ich früher eine Broschüre oder ein Buch von d Professor zu Gesicht bekommen hätte, denn ich habe ja auch in meiner Jugend Mathematik und Chemie getrieben.

Da ist meine Bitte. Für mich hat sie eine große Wichtigkeit, denn ich will den Geist Alexanders mehr und mehr auf's Naturstudium wenden, und er hat eine Vorliebe zu diesen Gegenständen.

Nun, sagen Sie, ist es Deutsch genug um zu verstehen? aber Deutsch oder Sanskrit, Sie

müssen nicht zweifeln an die Freundschaft

von A. H e r z e n

П е р е в о д :

19 нояб<ря 1855 г.> Richmond
Cholmondeley Lodge

Mon cher Кинкель,

Следует ли мне писать вам по-немецки? Тогда вам, из одного чувства дружбы, придется на четверть часа позабыть немецкую грамматику.

Вы можете оказать мне очень большую дружескую услугу. Сегодня я получил письмо от Фрёбеля — ответ на мое письмо, посланное мною, если не ошибаюсь, в мае месяце. Очевидно, раньше весны он не придет. От этого дела я отказываюсь ¹.

Я ищу достаточно толкового — first rate * -- профессора химии и физики (и должен еще прибавить, что никакой веры в физиков, которые не изучали математики, я не имею). Мне говорили об одном химике, его имени я не знаю, но я хотел бы от вас узнать, кого вы рекомендуете или какой совет вы могли бы дать.

К этому профес<сору> Александр мог бы, если это понадобится, ходить; может он и посещать колледж — но, начало семестра он потерял.

Сообщите мне также приблизительно, сколько стоят частные уроки.

Лучше было бы, если б я заранее мог ознакомиться с брошюрой или книгой этого профессора, поскольку в молодости я изучал математику и химию.

Вот в чем моя просьба. Она имеет для меня большое значение, так как я намерен все больше и больше направлять Александра в сторону естествознания, а он имеет склонность к этим предметам.

Теперь скажите мне, достаточно ли это по-немецки написано, чтобы можно было понять? Как бы то ни было, немецкий ли это язык или же санскрит, вы

не должны сомневаться в дружбе

А. Герцена

¹ Это письмо Ю. Фрёбеля неизвестно. О его намерении (по приглашению Герцена) переехать в Лондон, чтобы руководить учебными занятиями сына Герцена, см. выше, в публикации «Переписка с К. Фогтом».

3

Г. Кинкель — Герцену

<London.> 6, Eastbourne Terrace, Paddington

July 18th, 1856

Lieber Herzen!

Mit herzlichem Danke für die Nachsicht, die mir den Genuß Lermontoffs so viele Monate gegönnt hat ¹, sende ich Ihnen heute das Buch durch Parcel's Delivery Co. zurück. Ich habe alles darin zweimal gelesen, vieles viermal und noch öfter, und das meiste mit tiefer Rührung. In der Schlacht zu stehen wider einen Feind, mit dem man innerlich sympathisiert, den Tscherkessen, den man bewundert, dennoch zu erdrücken — das ist freilich ein Konflikt von Neigung und Handlung, an dem der allerstärkste Mensch sich ruinieren muß.

Mit der herzlichsten und wärmsten Erinnerung an unsre zusammen verbrachten Stunden, die mir zu den geistig reichsten der letzten Jahre gehören, Ihnen immer verbundener

G. K i n k e l

П е р е в о д:

<Лондон.> 6, Eastbourne Terrace, Paddington

18 июля 1856 г.

Любезный Герцен!

С сердечной благодарностью за снисхождение, благодаря которому я так много месяцев наслаждался Лермонтовым ¹, возвращаю вам сегодня книгу через Parcel's Delivery Co. Я все в ней прочел по два раза, а многое по четыре и более, и значительную часть с глубоким волнением. Вступать в схватку с врагом, которому внутренние симпатизируешь, — с черкесами, которыми восхищаешься, — но которого все же необходимо покорить, это, конечно, конфликт между душевным расположением и действием, и при этом не может не погибнуть и наисильнейший человек.

С сердечными и теплыми воспоминаниями о проведенных нами вместе часах, которые духовно для меня — самые богатые за последние годы, навсегда с вами связанный

Г. К и н к е л ь

* перwokлассного (англ.).

¹ В 1854 г. в Лондоне вышло два английских перевода «Героя нашего времени»: анонимный (полный) и перевод Терезы Пульской (без «Фаталиста»). В предисловии Пульской использована характеристика Лермонтова из работы Герцена «О развитии революционных идей в России» (ср.: «Лит. наследство», т. 64, с. 422). Следует полагать, что Герцен послал Кинкелю последнее издание.

4

Г. Кинкель — Герцену

⟨London.⟩ 6, Eastbourne Terrace. W⟨est⟩
Nov⟨ember⟩ 22, 1858

Lieber Herzen,

Empfangen Sie den freundlichsten Dank für Ihren Besuch und die liebevollen Zeilen ¹. Ich habe Ihnen lange schreiben wollen, um für Ihre französische *brochure* ² zu danken und unser altes Verhältnis wieder anzuknüpfen ³, doch fühlte ich gerade ⟨die⟩ polnische *brochure* anfangen müssen, und daß, glaube ich, hat mich immer verhindert; auch dann verhindert als ich vor Wochen den Aufsatz noch einmal ganz absichtlich las, um Ihnen zu schreiben ⁴.

Was sind mir heute politische Gegensätze? Nur theoretisch weiß ich was ich noch soll, an keiner Frage hat das Herz einen Anteil. Man kann nicht schwerer leiden als ich in den ersten Tagen getan ⁵, und jetzt bin ich müde und scheue den Kämpfen der Welt zu begegnen.

«Schwimm, braver Schwimmer! Ich liege hier». Und doch wäre es feige zu leugnen, daß diese warme Sympathie *Aller* mir wohl tät. Auch Englands Herz ist warm geworden, bei diesen Klagen. Die Männer haben sie geachtet, und doch hat sie es erreicht, daß die Frauen sie liebten.

Erhalten Sie Ihre Achtung und Freundschaft als Parteigenosse,

Ihrem G. K i n k e l

П е р е в о д:

⟨Лондон.⟩ 6. Eastbourne Terrace. З⟨апад⟩
22 нояб⟨ря⟩ 1858 г.

Любезный Герцен,

Примите дружескую благодарность за ваше посещение и полные любви слова ¹. Я давно хотел написать вам, чтобы поблагодарить за вашу французскую *brochure* ² и снова восстановить наши прежние отношения ³. И все же я снова почувствовал, именно в связи с *brochure*, такое острое различие во взглядах, что вынужден был сейчас начать с польской *brochure*, именно это, думаю я, мне все время мешало, мешало и тогда, когда я несколько недель тому назад, еще раз с отчетливым намерением написать вам, перечитал статью ⁴.

Что мне сейчас до политических противоречий? Только теоретически я понимаю, что я обязан еще делать; ни к чему не лежит сердце. Нельзя страдать больше, чем я страдал в первые дни ⁵, а теперь я устал и боюсь окунуться в борьбу, которая происходит в мире.

«Плыи, пловец отважный! Я здесь лежу». И все же было бы жалкой ложью отрицать, что эта *всеобщая* теплая симпатия была мне особенно приятна. И сердце англичанина потеплело при вести об этом горе. Мужчины почитали ее, но она сумела добиться и любви женщин.

Сохраните же свое уважение и дружбу ко мне как к единомышленнику

вашему Г. К и н к е л ю

¹ 16 ноября 1858 г. выбросилась из окна своей квартиры и разбилась насмерть жена Кинкеля Иоганна, писательница и пианистка (см. «Было и думы» — XI, 155; XXVI, 224). В связи с ее похоронами Герцен посетил 18 ноября Кинкеля.

² Брошюра Герцена «La France ou l'Angleterre?» (XIII, 209—253), вышедшая в Лондоне на французском языке около 1 апреля в издании Н. Трюбнера. См. о ней ниже, в статье Л. Р. Ланского «Герцен и Франция».

³ Что именно послужило причиной охлаждения или даже перерыва во взаимоотношениях Герцена и Кинкеля, в точности неизвестно. Но из контекста видно, что причиной этому было какое-то острое различие во взглядах.

⁴ Имеется в виду статья без подписи «Aleksander Hercen i Wolna rosyjska drukarnia w Londynie» («Александр Герцен и Вольная русская типография в Лондоне»), помещенная в ноябре 1858 г. в парижском журнале польской эмиграции «Przegląd Rzeczy Polskich» и затем изданная

в Париже отдельным оттиском или брошюрой. В ней, с одной стороны, давалась высокая оценка издательской деятельности и литературного таланта Герцена, а с другой — критиковались его либеральные иллюзии в отношении Александра II. В этой статье Герцен назывался «другом поляков»; в ней подчеркивалось, что «дело Герцена и дело демократической Польши — одно».

Герцен опубликовал ответ автору этой статьи в виде двух писем, напечатанных в «Колоколе» (под заголовком «Россия и Польша»; от 1 и 15 января 1859 г. (л. 32—34). В них он призывал Польшу ближе узнать «Русь пашущую», не смешивать русский народ с русским правительством. Во втором письме Герцен подчеркивал «неотъемлемое, полное право» Польши, так же как Италии и Венгрии, на «государственное существование, независимое от России». Вместе с тем Герцен не отрицал возможности для Польши и России «идти одной дорогой к новой, свободной социальной жизни» (XIV, 18—19). Высказываясь о федерации свободных государств, Герцен подразумевал добровольное их объединение на основе принципа *самоопределения* народа.

Кинкель, как видно из письма, не разделял мысли, высказанной в польской статье, где Герцена хвалили как борца за «дело демократической Польши». Кинкель не разделял и идеи самоопределения польского народа и создания его самостоятельной государственности, усматривая в этом возможность потери части прусских земель (см. об этом: М. Мейзенбург. Воспоминания идеалистки. М.—Л., 1933, с. 438).

В своей газете «Hermann», которую он редактировал в Лондоне с 8 января до 26 июля 1859 г., Кинкель поместил первое письмо Герцена к своему польскому оппоненту (№ 2, 3, 4, от 15, 22 и 29 января 1859 г.) с небольшим вступлением и следующими послесловиями (даются в переводе С. В. Пчелина):

«Александр Герцен о своих намерениях как писателя и журналиста». Лондон, 14 января. На появившуюся в Париже в конце прошлого года брошюру на польском языке, озаглавленную „Александр Герцен и Вольная русская типография в Лондоне“, Герцен в своем „Колоколе“ опубликовал ответ, который мы даем в дословном переводе. Причина тому — большой интерес к полемике между поляком и русским, которые оба принадлежат к партии прогресса и высоко уважают друг друга. Статья Герцена называется „Россия и Польша“ (№ 2). См. ЛЖГ III, 14—15.

«Послесловие издателя к публикуемой статье». Издателю с обеих сторон был сделан упрек в том, что он принял это оправдание Герцена. Утверждали, что такому прославянски и панславистски настроенному человеку нельзя давать выступать в немецкой газете; что Герцен враждебно относится к немецкой нации и что он в одном недавнем своем сочинении будто бы выдвигает тезис, что Вена может стать резиденцией большой славянской империи, и т. д.

Что касается последнего из этих утверждений, то мы должны ожидать доказательства после прочтения всего сочинения, а не отдельного, возможно, неправильно понятого предложения. Если бы Герцен так написал, то это было бы безобидным бахвальством. То, что он ненавидит тех немцев-вампиров — оплачиваемых ученых и рабешествующих чиновников, которые помогают петербургскому двору поработать свой народ, — в порядке вещей. Мы также ненавидим их и презираем. И если он в Польше, Чехии, Австрии претендует на большую славянскую территорию, чем Германия когда-либо уступит, то это является национальным вопросом собственности. Его взгляд на вещи так же мало делает его изгоем свободного общества, как и Копута, который в последнем номере газеты Маццини называет бессмыслицей то, что Франкфуртский парламент рассматривал когда-то Триест с точки зрения германских интересов.

То, что мы представляем себе республику в Германии несколько иначе, чем Герцен — республику в России, вполне понятно; и полная свобода собственности для нас включает в себя также требование делимости и отторжения частного владения из общинной собственности.

Но Герцен никогда даже и не оспаривал возможности республики в Германии, и он никогда не требовал, чтобы мы подражали славянскому коммунизму.

Следовательно, не было и нет в будущем никаких оснований для того, чтоб одного из самых неутомимых борцов и остроумнейшего писателя партии прогресса лишать возможности обратиться к нашим читателям из-за поспешно выдвинутых предостережений против панславизма» (№ 3). См. ЛЖГ III, 16.

ГОДФРИД КИНКЕЛЬ

Гравюра неизвестного художника

«Illustrierte Zeitung», 22 сентября 1849 г.

«Еще одно послесловие к приведенному нами в переводе <с французского> письма Александра Герцена одному поляку. В последнем номере мы упоминали с большим сомнением о высказанном в одном письме утверждении, что некогда Герцен будто бы представлял Вену в качестве будущей столицы славянской империи.

Это утверждение относится к той системе нападок на Герцена, которые повторяются с банальным однообразием в нескольких газетах с 1854 г. Недавно они опять появились в одной бостонской немецкой газете *.

В брошюре, адресованной господину Линтону, Герцен высказывает свои мечты о создании будущего славянского федеративного государства так, как они рождаются в сердце старого гусита: о создании государства, которое в самой брошюре названо несовместимым с существованием современной русской империи». Далее следует дословный перевод из брошюры Герцена «La Russie et le vieux monde. Lettres à W. Linton», p. 45. После приведенного текста Герцена снова следует текст редакции «Hermann»: «Так звучит это место, причем Герцен ни разу здесь, где он велит своим гуситам строить «чешские замки», не объявляет Вену возможным славянским центром. Этим мы завершаем спор по данному вопросу.

Мы взяли это письмо в переводе из его газеты совсем не по инициативе Герцена и назвали его «оправданием» в том смысле, что Герцен в нем высказывается против сомнений польского единомышленника в отношении его журналистской деятельности. Р е д а к ц и я (№ 4). См. ЛЖГ III, 17.

Кинкель поместил такого рода «оправдательный» комментарий, скорее всего, по настоянию Мейзенбуг, так как Герцен отказался дать какое-либо разъяснение по этому поводу.

* Речь идет о гибели жены Кинкеля (см. прим. 1).

5

Герцен — Г. Кинкелю

Фрагмент

<Нион. 27 августа 1868 г.>¹

** de Genève².

Si j'étais trop susceptible — pensez à ma position tout à fait exceptionnelle³. Après une existence entière dévouée à une seule idée, à une seule activité⁴ — à laquelle tout était sacrifié⁵ — se voir traité par ses alliés (je parle d'une grande quantité des Polonais de l'émigration) en ennemis et faux frères⁶ — parce que l'on ne sympathise pas avec toutes leurs lubies⁷ et élucubrations — c'est dur. J'ai cru voir dans l'ensemble de vos paroles la suite des mêmes insinuations — un <...>⁸ ****.

Je vous remercie pour la brochure⁹. Vous dites vous-même que j'ai perdu ma force — en défendant la cause polonaise. Etrange reconnaissance¹⁰.

Vous recevrez le dernier N° du *Kolokol* avec la première poste. Jetez un coup d'œil sur la manie de dénonciations dans le journalisme russe¹¹.

Recevez l'expression de ma haute estime.

Al. H e r z e n

Pardonnez-moi que je vous écris en français, j'ai oublié le reste de mon allemand.

П е р е в о д:

*** из Женевы².

Если я был чрезмерно обидчив — то подумайте о моем совершенно исключительном³ положении. После жизни, целиком посвященной единой идее, единой деятельности⁴ — которой все было пожертвовано⁵, — видеть, что твои союзники (я говорю о множестве поляков из эмиграции) обращаются с тобой, как с врагом и предателем⁶, — потому что ты не сочувствуешь всем их прихотям⁷ и разглагольствованиям, — это тяжело. Мне показалось, что я вижу в совокупности ваших слов продолжение тех же инсинуаций — одно⁸ <...> ****.

Благодарю вас за брошюру⁹. Вы сами говорите, что я утратил свою силу — защищая польское дело. Странное мнение.

* Вероятно, имеется в виду «Neue England-Zeitung», газета немецких эмигрантов, выходившая в Бостоне (США) с 1852 г. — *Ред.*

** Верхний край листа в автографе оторван. Текст восстанавливается по черновому автографу (XXIX, 185—186). — *Ред.*

***оборот листа. Верхний край в автографе оторван. — *Ред.*

**** Верхний край листа в автографе оторван. Текст восстанавливается по черновому автографу (XXIX, 185—186). — *Ред.*

*****оборот листа. Верхний край в автографе оторван. — *Ред.*

Вы получите последний № «Kolokol» с первой же почтой. Бросьте взгляд на манию доносов в русской журналистике¹⁰.

Примите выражение высокого моего уважения...

А. л. Герцен

Простите мне, что я пишу вам по-французски; я позабыл остатки своего немецкого языка.

¹ Ответ на неизвестное письмо Кинкеля, присланное Герцену вследствие их столкновения во время встречи в Цюрихе 30 июля 1868 г. (см. XXIX, 427 и вступит. заметку к наст. публикации).

² В черновом автографе письмо начинается датой 27 августа и текстом: Я вам поистине весьма признателен за ваше письмо, которое получил с некоторым опозданием, так как оно переслано было. Текст вариантов приводится здесь только в русском переводе с французского. На французском языке см. в XXIX 185—186, где опубликовано как «письмо к К. Э. Хоецкому».

Можно предположить, что это начало письма более или менее точно соответствовало строкам, оторванным в окончательном тексте.

³ В черновом автографе слова: совершенно исключительном — отсутствуют.

⁴ В черновом автографе далее: единому служению

⁵ В черновом автографе далее: [ни разу не погрешив, не дав ни малейшего повода к политическому упреку недоверия и]

⁶ В черновом автографе слова: и предателем — отсутствуют.

⁷ В черновом автографе слова: их прихотям и — отсутствуют, так же как далее слова: Это тяжело

⁸ Вместо: Мне показалось ∞ одно — в черновом автографе: Я понял, что все ваши слова внушены ими, и живо чувствовал, что это недоверие не заслужено мной. От всего сердца принимаю ваше объяснение; вижу, что преувеличил значение ваших слов, и, протягивая вам с прежней искренностью руку, прошу предать полному забвению случившееся.

Мадемуазель Мейзенбург

⁹ Речь идет об изданной в Вене в 1868 г. брошюре Кинкеля «Polens Auferstehung, die Stärke Deutschlands» или о ее французском переводе, вышедшем в том же году в Цюрихе: «La renaissance de la Pologne envisagée comme la force de l'Allemagne».

¹⁰ Статья Герцена «La manie de délation», напечатанная в «Kolokol», № 11, от 15 августа 1868 г. (XX, 356—363).

Э. ВИНТЕРСБЕРГ — ГЕРЦЕНУ

Публикация В. Н. Поспеловой

«Шпионы постоянно трутся во всех эмиграциях; их узнают, открывают, колотят, а они свое дело делают с полнейшим успехом. В Париже полиция знает все лондонские тайны», — писал Герцен в «Былом и думах», сообщая подробности одной трагикомической истории, в которую он оказался втянутым (XI, 199).

Зная по слухам, что обвинявший австрийский эмигрант Нидергубер поддерживает связь с парижской полицией, Герцен все же не отказывал ему в материальной помощи. Когда же слухи подтвердились, он порвал с ним всякие отношения. Этим, однако, дело не завершилось. «Какой-то господин, говорят, добрый и честный, старик В.*, стал защищать Н. Он созвал комитет немцев и пригласил меня как одного из обвинителей, — вспоминал Герцен. — Я написал ему, что в комитет не пойду, что все мне известное ограничивается тем, что Н. в моем присутствии сознался Гаугу, что он деньги от префекта получал. В. это не понравилось, он написал мне, что Н. фактически виноват, но морально чист, и приложил письмо Н. к нему» (XI, 199—204). Этому эпизоду посвящено и письмо Герцена к М. К. и А. Рейхелям от 17 августа 1853 г. (XXV, 93—94; ср. 95).

Воспроизводимые ниже два письма немецкого эмигранта Э. Винтерсберга к Герцену — именно те, о которых упоминается в «Былом и думах». Они образуют своего рода комментарий к воспоминаниям Герцена.

Э. Винтерсберг — австрийский журналист, участник революции 1848—1849 гг., заочно осужденный 31 мая 1849 г. австрийским судом «за подстрекательство народа к свержению конституционной монархии и установлению республики, за поддержку требований крестьянства к вооруженному сопротивлению законной власти» (см. «Enthüllungen aus der höheren Region der politischen Spionage». Herausgegeben von A. Vandermeulen. B., 1862, S. 113). В 1850-е годы он

* В «Былом и думах» фамилия ошибочно расшифрована комментаторами как Винтергальтер (XI, 204).